

Владимир ЕРМАКОВ

БЛАЖЕННЫЕ ИЗГНАННЫЕ

*Всё, всё моё — оттуда.
И, умирая, возвращусь —
туда же,
одни и те же врата —
рождения и смерти.*

о. Сергей (Булгаков)

Когда горизонты пустели
и небо лишалось опор, —
метели, метели, метели
мели — отменяли простор.

За грех, за неправедность
судей

Бог вышел из этой земли,
и ставшие лишними люди
в сиротство изгнания шли.

Не землю, а снег уносили —
горсть снега в крови и в золе.
Россия, Россия, Россия
навекы терялась во мгле.

Темна и тесна заграница,
и горе сквозь годы — свежо,
ведь где-то под сердцем
хранится
нетающий жгучий снежок.

Но Лето Господне настанет,
то счастье, которое ждём, —
когда наконец он растает
и в землю вернется дождём.

*За горами, за лесами,
за горячими слезами —
там жила-была одна —
оди́нешенька страна...*

Николай ПЕРОВСКИЙ

ЛИДЕ

*«Своя клажа — не важа!..»
(Пословица).*

Я из глины, а ты — из ребра,
если верить божественной
книге.
Мы с тобой не скопили
добра,
чтоб влачить золотые вериги.

Мы по жизни идём налегке.
Анекдот о библейском
верблюде
и о тесном игольном ушке
сочинила судьба, а не люди...

Знаю, это теперь не в чести,
но с поветрием века
не ссорюсь,
дай нам Бог до креста

донести
эту клажу по имени
совесть!

ОСЕННИЕ СТРОФЫ

Зрелой осени прохлады,
запах вянущей травы,
в золотых аллеях сада
отсвет блёклой синевы.

Предрассветный иней в поле,
воздух утренняя жгуч,
и, как будто поневоле,
сквозь туман сиротский луч.

Мне и осень не в обузу
и, колдуя над строкой,
не спешу отправить музу
на заслуженный покой.

Сентябрь 2004 г.

ДЕТСКИЕ СТИХИ

Вадим ЕРЕМИН

ГИМНАСТ

Мой котик — гимнаст
настоящий,
На лапах передних стоящий;
Умело на «мостик»
встающий,
Как тренер, пример
подающий;
Висящий на новых обоях,
За что нас ругают обоих.

ПОСЛЕ ЛЕТА

Забыла Никитина Тая,
Где ставится запятая;
Совсем позабыла соседка,
Как пишется слово
«беседка».
Весь вечер Никитина Тая
Сидит за столом, причитая
О том, что за целое лето
Прочла только четверть
куплета.

ВЕЖЛИВЫЙ КАТОК

Каток возвращался
с работы домой,
Каток возвращался домой
по прямой.
За ним оставались большие
следы,
О чем ему громко кричали
деды.
Каток громыхал, грохотал
и чихал,
Поэтому криков дедов
не слышал.
Хотел подкатить к ним
поближе каток,
Но тут же пустились деды
наутек.
Каток на дедов подивился
чуть-чуть,
Вздыхнул и продолжил
намеченный путь.
Опять потянулись следы
за катком,
О чем нам деды сообщили
тайком.

ОСЕНЬ

Сегодня в средней полосе
Стоит безветренный денек.
Тропинка вьется по росе,
И путь до школы недалек.

Сегодня ярко-желтый клен
На время солнце заменил.
А я сегодня видел сон
Про птиц, летящих
через Нил.

Андрей ФРОЛОВ

ЭПИЗОДЫ

УХОДЯЩЕЕ

Вечер, посвященный памяти Бунина. Маленький зал областной филармонии почти пуст. Заполнены только первые три-четыре ряда не слишком удобных стульев. Пришедшие поговорить о великом писателе, почтить его память в большинстве своем люди пожилые. В основном женщины. Среди них узнаются сотрудники музеев Бунина, Тургенева и других писателей-орловцев. Эти люди много лет хранят память о наших знаменитых земляках почти бескорыстно. Для кого? Наверное, для той группки старших школьников, тесно приткнувшихся на галёрке, в самом дальнем углу. Легко догадаться, что они здесь благодаря строгой учительнице, организовавшей принудительный культпоход. Вот и она: бдительно дежурит у дверей, вероятно, для того, чтобы пресекать возможные попытки самовольных отлучек подопечных. Девочки шумны, неусидчивы и, как это водится в компаниях сверстников переломного возраста, дерзки.

На сцене закончены последние приготовления, начинается театрализованное представление. Директор музея Бунина трогательно рассказывает о светлой любви молодого писателя к юной Варваре Пашенко, артисты академического театра читают отрывки из литературных произведений Бунина, солисты филармонии поют романсы на его стихи. Действо подготовлено хорошо и завора-

живает, увлекает. Престарелые музейные работники жидко хлопают после каждого номера программы.

Сидящий рядом поэт Вадим Еремин роняет хмуро:

— Эти люди кончатся, и Бунин никому уже не будет нужен.

Неужели он прав?

ПРОВОРНИЛА

Пожилая женщина в голубом плаще кормила голубей. Крошила булку и, наклонясь, о чём-то тихо беседовала с ними. Птицы копошились у её ног, ничуть не боясь — хлопала друг друга крыльями, выхватывая лучшие куски.

С другой стороны улицы узкими глазами окон умильно смотрел монастырь.казалось, он улыбается. Сизое небо чуть моросило.

За спиной женщины к остановке подошёл трамвай, который она ждала уже долго. Люди, собравшиеся на остановке, погрузились в вагон, сделавшись моментально пассажирами. Трамвай чихнул дверями.

И только тут женщина в голубом плаще обернулась. В глазах её метнулась паника, женщина, выронив булку, всплеснула руками. Она шагнула к трамваю и упёрлась ладонями в его красный лоснящийся бок. Вагон плавно тронулся с места, а женщина, перебирая руками, будто пытаясь задержать его, двинулась в сторону закрытой двери.

Вагоновожатая не остановила трамвай. Может, инструкция запрещала останавли-

ваться, когда движение уже начато; может, не увидела, а может, не захотела — поди теперь, разберись.

— Проворонила, — глядя в окно, почти удовлетворённо сказала тётка, только что ставшая пассажиркой. — А я ей кричала, что трамвай приехал.

— Она недослышит, — пояснила другая, пассажирка с уже пятиминутным стажем.

И обе быстренько отвернулись от окна, за которым проплывало растерянное лицо. Дрожжачие губы неслышно повторяли: «Как же так?», а в глазах горело такое отчаяние, что смотреть было невозможно.

ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ТЕМА

Горизонт вогнут. По его линии вяло тянется грузовой состав. Локомотив уже нырнул в лес, а вереница вагонов всё не кончается. Считать бесполезно — собьёшься, их не меньше полусотни. Распятие электропоро на фоне жёлтого неба выглядит зловеще.

Во дворе нашей производственной базы бурлит трудовая жизнь: кувалды стучат, шлифмашинки визжат, слесаря матерятся. Козловой кран растопырился как-то недоуменно. Из цеха редко, с придыхом, ахают механические ножницы.

Прошел, задумчиво поправляя очки, Сарычев — начальник производственно-технического отдела. Наш кладёз информации, человек мягкий, сомневающийся. Как попал в начальники?

Прошмыгнул мастер участка Антонов — быстрый, жилистый и всегда угрюмый. Но если уж улыбнется — в самый хмурый день светло.

Бригадир слесарей Акимыч успевае везде, прикладыва-

ет верную руку на каждом этапе производства. Сейчас занят разметкой огромного листа металла, а через минуту будет крутить гайки вышедшей из строя лебедки. Грамотный мужик.

Разговорчивый электрик дядя Петя дело тоже знает туго: не спеша, за разговорами, устраняет неисправность сварочного трансформатора. Сварщик Витька взирает скептически.

Суетливо, ни на кого не глядя, мелькнул начальник участка Ухин, полурешающий любой из многочисленных вопросов, за которые хватается обеими руками.

Глухонемой дворник (странно, никогда не интересовался его именем) суетно бегае по территории с тачкой. Движения резки, порывисты — как у всех глухонемых людей. Тачка скрипит, грохочет.

Быстро прошагала к машине наш финдиректор Тамара Леонтьевна. Как всегда, деловая, решительная. Из домика охраны выскочил водитель, миниатюрный Валерка, и поспешил следом. Дуплетом хлопнули дверцы, автомобиль уехал. В банк, наверное, за зарплатой.

Гуляш, местный кобель ленивой породы, безразлично наблюдает за сорокой, нагло обедающей из его миски. Прогнать её Гуляш не способен. Впрочем, не голодает, поскольку остался у нас один. Другого, Рыжего, порвали овчарки, когда он, по каким-то собачьим нуждам, забрёл на территорию милицейского питомника, соседствующего с нашей базой.

А по горизонту уже торопится пассажирский поезд.

Все заняты делом. А я? А я — инженер по технике безопасности. Считается, что делать мне нечего.